

УДК 811.163.4

DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-85-116

О социальных функциях вариантов сербскохорватского языка

Мария А. Егорова

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, drajenka@gmail.com*

Аннотация. Вопрос о статусе языков, возникших на основе сербскохорватского языка после распада Югославии, остается актуальным до сих пор. Стандартный сербскохорватский язык возник в XIX в. как общий язык сербов, хорватов, боснийцев и черногорцев и изначально существовал в двух основных вариантах – «западном» и «восточном». Эти варианты были достаточно близки для того, чтобы не препятствовать коммуникации, и в то же время каждый вариант обладал символической значимостью как маркер соответствующего этноса. В данной статье рассматривается история сербскохорватского языка от его возникновения до распада Югославии в свете двух социальных функций языка – коммуникативной (язык как средство обмена информацией) и символической (язык как символ национальной идентичности).

Ключевые слова: сербскохорватский язык, социолингвистика

Для цитирования: Егорова М.А. О социальных функциях вариантов сербскохорватского языка // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 2. С. 85–116. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-85-116

On the social functions of the variants of the Serbo-Croatian language

Maria A. Egorova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, drajenka@gmail.com

Abstract. The issue of the status of languages that emerged on the basis of the Serbo-Croatian language after the collapse of Yugoslavia remains relevant until now. The standard Serbo-Croatian language arose in the 19th century as a common language of Serbs, Croats, Bosnians and Montenegrins and existed in two main variants, “western” and “eastern”, from the very outset. These variants were close enough to maintain free communication, and at the

same time, each variant had symbolic significance as a marker of the corresponding ethnic group. This article provides an outline of the history of the Serbo-Croatian language from its origin to the collapse of Yugoslavia in the light of two social functions of the language, communicative (language as a means of exchanging information) and symbolic (language as a symbol of national identity).

Keywords: Serbo-Croatian language, sociolinguistics

For citation: Egorova, M.A. (2021), "On the social functions of the variants of the Serbo-Croatian language", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 2, pp. 85-116, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-85-116

S'il fallait caractériser d'un mot l'histoire de la (ou des) langues littéraires sur le territoire linguistique du serbo-croate, nous dirions : complexité.

*Pavle Ivić*¹

1. Введение

Вплоть до распада в 1991 г. Социалистической Федеративной Республики Югославия название *сербохорватский* (*сербскохорватский*) язык применялось к стандартному языку сербов, хорватов, боснийцев² и черногорцев [Гудков 1969; Lehfelddt 2014; Кречмер, Невекловский 2017]. После распада Югославии и выхода из ее состава Хорватии (1991), Боснии и Герцеговины (1992) и Черногории (2006) наряду со старым названием *сербохорватский* (*српскохрватски*, *Serbo-Croatian*, *Serbokroatisch*, *serbo-croate*) получили широкое употребление названия *сербский* (*српски*, *Serbian*, *Serbisch*, *serbe*), *хорватский* (*hrvatski*, *Croatian*, *Kroatisch*, *croate*), *боснийский* (*bosanski*, *Bosnian*, *Bosnisch*, *bosniaque*) и *черногорский* (*црногорски*, *Montenegrin*, *Montenegrinisch*, *monténégroin*), а также составные названия вида *сербский* / *хорватский* / *босний-*

¹ «Если бы нам нужно было охарактеризовать историю литературного языка (или языков) на территории распространения сербскохорватского языка одним словом, этим словом было бы – сложность» [Ivić 1984, p. 341].

² В [Гудков 1969] боснийцы как отдельный этнос не упоминаются. Ср. статью [Гудков 2001], посвященную языку боснийцев (боснийских мусульман). Об этнониме мусульмане (муслимани, muslimani) см. e. g. [Rizvić 1996; Greenberg 2004, pp. 139–142].

ский / черногорский, которые должны служить символическим подтверждением существования четырех независимых языков³.

Вызвавший на рубеже XX и XXI вв. бурную дискуссию вопрос о статусе и названии языков титульных наций вновь образованных государств остается актуальным до сих пор [Lehfeldt 2014, pp. 1466–1467].

Данная статья ни в коей мере не претендует на полноту охвата проблемы. Нас будет интересовать здесь один частный аспект, а именно проблема (не)разграничения двух социальных функций языка – коммуникативной (язык как средство обмена информацией) и символической (язык как символ идентичности) [Кибрик 2019⁴; Thomas 1998; Friedman 1999; Даниэль 2019].

Нашей целью было, во-первых, проследить, как полемика о статусе различных вариантов языка на протяжении полутора веков, подобно сейсмографу, фиксировала смену политических настроений; и, во-вторых, показать, какое отражение в дискуссиях о статусе вариантов сербскохорватского нашла проблема разграничения двух социальных функций языка.

2. Становление стандартного сербскохорватского языка

Возникновение стандартного сербскохорватского языка связывается с деятельностью сербского языковеда, фольклориста и просветителя Вука Караджича и участников Иллирийского движения в Хорватии во главе с Людевитом Гаем⁵. Реформаторская деятельность по созданию нового литературного языка *всех сербов, хорватов, боснийцев и черногорцев* разворачивается в первой половине XIX в.

В этот период Балканы представляли собой территорию, на которой скрещивались политические интересы нескольких госу-

³ Ср. различные названия соответствующей статьи в двух разных изданиях сборника «Языки мира: Славянские языки» – «Сербохорватский язык (сербский, хорватский, боснийский языки)» для [Кречмер, Невекловский 2005] и «Сербохорватский язык (сербский, хорватский, боснийский, черногорский языки)» для [Кречмер, Невекловский 2017].

⁴ Впервые опубликовано: Кибрик А.Е. Язык // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.

⁵ Иллирийское движение, или *иллиризм*, – общественно-политическое и культурное движение, зародившееся в Хорватии в первой половине XIX в. Одной из целей деятелей иллиризма являлось возрождение национальной культуры [Бромлей и др. ред. 1963, с. 388–396].

дарств – в первую очередь, Австро-Венгерской империи и Османской империи; территорию, неоднородную в культурном и конфессиональном плане. В условиях политической зависимости от крупных многонациональных государств угроза утраты национальной идентичности и поглощения иноязычным окружением стала причиной усиления конвергентных процессов в среде южных славян, что привело к формированию национальных славянских языков – сербскохорватского, словенского, болгарского [Толстой 1988, с. 154–164]. Новые стандартные языки складываются на основе диалектов и городского койне, а также во взаимодействии с фольклорными койне и уже существующими книжно-письменными традициями. Характер взаимодействия при этом мог быть самым различным, от трансформации до «отталкивания» от старого стандарта с сохранением лишь некоторых его элементов [Толстой 1998]⁶.

Славянские языки на Балканах представлены континуумом диалектов, протянувшихся от Словенских Альп до Чёрного моря [Ивић 1985, с. 15; Невекловский 2001, с. 39]. На территории расселения сербов, хорватов, боснийцев и черногорцев выделяются три крупные группы диалектов – *кайкавские*, *чакавские* и *штокавские*, получившие своё название по реализации вопросительного местоимения 'кто' в каждой из них (*kaj*, *ča* и *što* / *šta*, соответственно) [Corbett, Browne 2009, p. 331]. В югославской лингвистической традиции для указания на крупные группы диалектов используется термин *наречие* (*наречје*). Таким образом, принято говорить о штокавском, кайкавском и чакавском наречиях.

Независимым основанием для классификации сербскохорватских диалектов является отражение в них праславянской⁷ фонемы **ě* (*ять*) [Мейе 1951, с. 39–40, 48]⁸. На этом основании можно выделить три основные группы: 1) диалекты, в которых **ě* в большинстве случаев отражен в виде *e* (*экавские*); 2) диалекты, в которых **ě* в большинстве случаев отражен в виде *je* / *iје* (*иекавские*); и 3) диалекты, в которых **ě* в большинстве случаев отражен в виде *i* (*икавские*); существует также множество переходных типов [Ивић 1985]. Оговорка *в большинстве случаев* сделана не случайно: рефлекс праславянского *я* в сербскохорватских диалектах под-

⁶ Впервые опубликовано: Толстой Н.И. *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Latina* – общее и различное в литературно-языковой ситуации (опыт предварительной оценки) // Вопросы языкознания. 1997. № 2. С. 16–23.

⁷ Праславянским, или общеславянским, языком называется не засвидетельствованный в памятниках общий предок славянских языков [Мейе 1951, с. 5–14; Бернштейн 1961, с. 9–12].

⁸ Впервые опубликовано: Meillet A. *Le Slave Commun*. 2d éd. Paris, 1934. 538 pp.

чинаются сложной системе правил, так что, например, в иекавском диалекте в некоторых специальных контекстах **ѣ* может быть отражен в виде *i* или *e* и т. п.⁹

На западе, на территории современных Хорватии и Боснии и Герцеговины, бытовало несколько региональных книжно-письменных традиций на всех трех наречиях [Ivić 1984, p. 319]. Среди них следует особо выделить две – литературную традицию Дубровника на штокавской основе и кайкавскую литературную традицию Загреба.

С XII по XVIII в. Дубровник был крупнейшим торговым центром. Своего расцвета Дубровницкая республика достигает в XIV–XVI вв., сосредоточив в своих руках торговлю на Балканах и соперничая с Венецией на Средиземном море [Бромлей и др. ред. 1963, с. 137–144, 224–227]; к периоду конца XV – начала XVI в. относится и становление оригинальной литературы, сформировавшейся под влиянием литературы итальянского Ренессанса [Ивич 2017¹⁰, с. 149–154; Ivić 1984, p. 318; Ивић 1985, с. 147]. По оценке Павле Ивича, «корпус дубровницких текстов на латинице¹¹ – один из самых объемных и одновременно культурно значимых в книжно-письменном наследии сербскохорватского языка» [Ивич 2017, с. 152].

В Загребе с середины XVI в. развивалась литература на основе кайкавского городского койне; в XVIII в. появляются первые кайкавские грамматики [Lončarić 1996]. Эта традиция оказалась устойчивой и в течение нескольких десятилетий конкурировала с литературой на новом сербскохорватском стандартном языке [Ивич 2017].

На востоке, у сербов и черногорцев, вплоть до XVIII в. сохранялась литература на церковнославянском языке сербской редакции¹²

⁹ Компактное описание рефлексов ятя в литературных вариантах сербскохорватского можно найти по ссылке: URL: <https://u.to/jl2CGQ> (дата обращения 8 сентября 2020).

¹⁰ Впервые опубликовано: *Ивић П.* Српски народ и његов језик. Београд, 1971. 334 с.

¹¹ Славянские тексты на латинице появляются в Дубровнике в начале XV в.; до этого для записи текстов на локальном славянском идиоме использовалась кириллица [Ивич 2017, с. 140–141, 151–152].

¹² За языком первых славянских письменных памятников закреплён термин «старославянский язык». Старославянский язык представляет собой литературную обработку одного из древних западномакедонских говоров IX в. [Сидоров 1952, с. 3] и является наиболее архаичным из засвидетельствованных славянских языков [Мейе 1951, с. 7]. В дальнейшем старославянский в качестве языка богослужебной и отчасти светской литературы использовался в большинстве славянских стран и в некоторых неславянских странах; различные региональные варианты старославянского языка известны как разные редакции церковнославянского языка – русская, сербская, болгарская etc. [Супрун, Молдован 2005].

(*српскословенска књижевност*), поддерживаемая влиянием православной церкви [Ивич 2017, с. 175; Невекловский 2001, с. 39]. Однако после османского вторжения в XV в. условия для развития и поддержания православной культуры становятся крайне неблагоприятными и эта традиция постепенно приходит в упадок [Ivić 1984, p. 317; Brozović, Ivić 1988, s. 100; Ивић 1998, с. 81–84]. В конце XVII–XVIII в. центр культурной жизни сербского народа сместился в Воеводину, находившуюся под властью Австро-Венгерской империи [Невекловский 2001, с. 39]. В этих условиях особенно остро ощущалась потребность в сохранении культурной идентичности.

В первой трети XVIII в. сербы обращаются к Петру Первому с просьбой прислать в Воеводину книги и учителей для подготовки священнослужителей. Русские миссионеры приносят с собой русскую редакцию церковнославянского языка, которую в ту эпоху ошибочно считали подлинным старославянским языком, а следовательно, и древним книжным языком сербов [Ivić 1984, p. 322]. Церковнославянский язык русской редакции, с небольшими фонетическими адаптациями, был принят сербской церковью, которая пользуется им до сих пор [Невекловский 2001, с. 39–40; Corbett, Browne 2009, p. 331].

В это же время сербская диаспора Воеводины переживает бурный расцвет светской культуры, в ходе которого складывается *славяносербский* (*славеносрпски*) литературный язык – своеобразный сплав церковнославянского языка русской редакции с элементами литературного и разговорного русского языка, разговорного сербского языка и реликтов церковнославянского языка сербской редакции [Brozović, Ivić 1988]. Гетерогенный славяносербский язык, по выражению Ивича, «никогда не имел ни грамматики, ни словаря» [Ivić 1984, p. 323], а выбор языковых средств зависел от индивидуального авторского вкуса и варьировался от автора к автору, от произведения к произведению. Другим существенным недостатком славяносербского было то, что овладение им предполагало владение церковнославянским и русским, а также, хотя бы до некоторой степени, немецким и латинским и тем самым делало его труднодоступным для малообразованных слоев населения [Ивич 2017, с. 185–186].

Возможным решением первой проблемы могло бы стать нормирование славяносербского языка и его кодификация в прескриптивной грамматике [Brozović, Ivić 1988, s. 101; Толстой 1988, с. 174–194; Симић 1996]; по мнению Брозовича и Ивича, стандартизация славяносербского языка привела бы к диглоссии, как в случае с чешским или тамильским. Однако этот вариант развития

событий остался чисто гипотетической возможностью, поскольку Вук Караджич и деятели иллирийского движения независимо друг от друга приняли решение положить в основу нового стандарта живую разговорную речь. Перед ними встал вопрос выбора диалектной основы стандартного языка.

Согласно [Хауген 2012¹³], на выбор нормы влияют как собственно-лингвистические соображения, так и социолингвистические факторы. Собственно-лингвистические соображения побуждают прибегать к процедурам, позволяющим привести диалекты «к общему знаменателю». Хауген описывает три такие процедуры – *компаративную*, *архаизирующую* и *статистическую*. Компаративная процедура заключается в том, чтобы применить к родственным диалектам принцип языковой реконструкции, «восстанавливая гипотетический, родной для всех язык» [Хауген 2012, с. 110]. Архаизирующая процедура предлагает «опереться на некий реальный или предполагаемый родной язык, сохранившийся в старых, традиционных памятниках письменности» [Хауген 2012, с. 110]. Статистическая процедура сводится к тому, чтобы «комбинировать формы, имеющие самое широкое хождение, в надежде, что так они будут легче приняты большинством» [Хауген 2012, с. 110]. Роль социолингвистического фактора заключается в том, что группы, привилегированные в экономическом, социальном и / или культурном отношении, имеют больший вес в вопросах выбора диалектной основы стандартного языка. Ниже мы покажем, как эти факторы взаимодействовали при создании нового сербскохорватского стандарта.

Караджич выбрал в качестве диалектной основы стандартного языка восточногерцеговинский диалект, относящийся к числу иекавских штокавских диалектов, а точнее – к *новоштокавским* иекавским диалектам. *Новоштокавскими* эти диалекты названы по наличию общих для них инноваций, наиболее заметной из которых является инновация в системе ударения [Okuka 2008, s. 55; Corbett, Browne 2009, pp. 333, 337]. Подобный выбор был во многом обусловлен личными пристрастиями Караджича: к этому диалекту принадлежал его родной говор [Ивич 2017, с. 196–197]. Описание говора села Тршич, родины Караджича, легло в основу *opus magnum* лингвиста – Сербского словаря (*Српски рјечник*) 1818 г. Восточногерцеговинский диалект представлен в литературных трудах Караджича, в том числе в его переводе Нового Завета и в сборниках народных песен в его редакции.

¹³ Впервые опубликовано: *Haugen E. Dialect, Language, Nation // American Anthropologist*. 1966. Vol. 68. Iss. 4. P. 922–935.

В Загребе штокавскую основу для стандартного языка независимо от Вука предложили иллирийцы. (Напомним, что Загреб находится в зоне распространения диалектов другого наречия – кайкавского. Несмотря на то что в начале XIX в. Загреб был развитым экономическим и культурным центром, его политическое влияние ограничивалось небольшой территорией [Ивич 2017, с. 190–191].) Образцом для подражания им послужили престижный литературный язык Дубровника и лежащее в его основе городское койне, которые также принадлежали к восточногерцеговинской диалектной зоне [Ивић 1985, с. 132–156].

Преимущество новоштокавских диалектов перед другими заключалось в том, что они распространялись на обширной территории, охватывающей ареалы расселения всех четырех наций – сербов, хорватов, боснийцев и черногорцев [Ивић 1985, с. 27; Brozović, Ivić 1988, s. 99–101; Okuka 2008, s. 55]. Такая диалектная картина сложилась в XVI–XVII вв., в результате миграций, вызванных турецким завоеванием Балкан [Ивич 2017, с. 64–97; Ивић 1998, с. 96–100]. Выбор группы диалектов, понятных большинству населения, близок к статистической процедуре Хаугена, с той разницей, что отбирается целый идиом, а не отдельные черты различных идиомов. Выбор новоштокавской основы был вполне логичным и не вызвал существенных возражений. Сложнее оказалось обосновать выбор именно иекавского диалекта.

Теоретическое обоснование, приводимое Вуком, заключалось в том, что иекавские говоры лучше отражали архаичное состояние вокализма, в то время как в экавских говорах **ě* совпал с *e*, а в икавских – с *i*. Аргумент о «полноте» иекавицы «содержит в себе интуитивное ощущение, что только это наречие сохраняет звуковую особенность ятя, которая стерта в экавице и икавице» [Ивич 2017, с. 199], и напоминает компаративную процедуру Хаугена. В связи с этим отметим, что система консонантизма также подверглась архаизации. Так, в койне Дубровника и говорах боснийско-герцеговинской городской мусульманской диаспоры сохранялись старые сочетания фонем *tj*, *dj*, которые в говоре Тршича перешли в аффрикаты палатального ряда *č* и *đ* соответственно. В 1836 г. было принято решение восстановить в стандартном языке сочетания *tj*, *dj* (в результате варианты типа *čerati* ‘гнать’, *đeca* ‘дети’ были заменены на варианты типа *tjerati*, *djeca*), а также восстановить фонему *h*, которая исчезла в родном говоре Караджича, однако сохранилась в некоторых говорах Черногории [Ивич 2017, с. 198].

Однако – и здесь сыграл роль социолингвистический фактор – сербская интеллектуальная элита владела другим диалектом штокавского наречия – воеводинско-шумадинским, который также яв-

ляется новоштокавским, но принадлежит к экавскому типу [Ивић 1985, с. 69–70]; экавские новоштокавские диалекты распространены на востоке, на большей части Сербии, тогда как иекавские новоштокавские диалекты расположены к западу от экавских, на территории юго-западной Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины и Хорватии [Corbett, Browne 2009, p. 334].

Пересчет с экавского варианта на иекавский представляет собой нетривиальную задачу; необходимо учитывать целый ряд факторов: какое *e* соответствует этимологическому **e*, а какое – этимологическому **ě*; был **ě* долгим или кратким [Corbett, Browne 2009, p. 334], в каком окружении он находился etc. О сложности правил, регулирующих отражение этимологического **ě* в иекавских диалектах, свидетельствуют следующие примеры¹⁴: *bijelo* ‘белое’, *bjelina* ‘белизна’ с переходом **ě > ije / je*, ср. старославянское БѢЛЪ из праславянского **bělъ*¹⁵; *mreža* ‘сеть’ с переходом **ě > e*, ср. старославянское МРѢЖА из праславянского **merža*¹⁶; *donio* ‘принёс’ с переходом **ě > i*. Нежелание осваивать столь сложную систему вполне объяснимо; показательно, что некоторые из учеников Караджича, носители экавских идиомов, воодушевленные примером учителя и красотой народных песен, пытались писать на иекавском варианте, но впоследствии возвращались к родной экавице [Ivić 1984, p. 325]. В результате в дополнение к иекавскому был разработан второй вариант сербскохорватского стандартного языка – экавский.

Таким образом, уже на начальном этапе своего существования стандартный сербскохорватский язык, с его двумя основными вариантами, экавским («восточным», «сербским») и иекавским («западным», «хорватским»), созданными на основе близкородственных диалектов одного наречия, представлял собой неустойчивую систему, крайне чувствительную к состоянию общества.

3. Столетие истории сербскохорватского языка

Вторая половина XIX и первая половина XX в. стали эпохой перемен, которые привели к ослаблению центростремительных сил и росту центробежных.

¹⁴ Narodne novine. 1850. № 76 [Электронный ресурс]. URL: <https://u.to/TcmGGQ> (дата обращения 8 сентября 2020).

¹⁵ Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 2 (**bez* – **bratъ*) / Ред. О.Н. Трубачёв. М.: Наука, 1975.

¹⁶ Этимологический словарь славянских языков. Вып. 18 (**matoga* – **mękyška*). М.: Наука, 1993.

В 1850 г. было подписано Венское литературное соглашение между представителями сербской и хорватской интеллигенции¹⁷. Первый пункт соглашения гласит, что в качестве основы для литературного языка следует избрать одно из существующих наречий. Согласно второму пункту, на роль такого наречия лучше всего подходит *южное* (штокавское), поскольку: а) на нем говорит больше всего носителей; б) оно ближе всех прочих к старославянскому языку, а следовательно, и к остальным славянским языкам¹⁸; в) на нем сложены почти все народные песни; д) на нем написана старая дубровницкая литература; е) им пользуется большая часть современных авторов. Дальнейшие пункты касаются решения более частных проблем.

В деятельности югославских просветителей можно усмотреть применение всех трех процедур по Хаугену: статистической (выбор штокавского наречия: пункты а, в, е), архаизирующей (выбор штокавского наречия: пункты б, д) и компаративной (восстановление архаичного консонантизма, предпочтение иекавского рефлекса **ě*). Однако приоритет над всеми этими процедурами имело требование брать за основу реально существующие современные говоры.

Особого внимания заслуживает положение «единому народу необходима единая литература» – формула, которой открывается соглашение. Павле Ивич отмечал, что «эта формула отражает романтическую иллюзию возможности национального единства сербов и хорватов» [Ivić 1984, p. 328]. Сама идея идентифицировать язык и нацию также возникла под влиянием философии романтизма. Возникшая в эпоху романтизма, концепция «один язык = один народ = одно государство» прочно укоренилась на Балканах [Thomas 1998, pp. 27–28; Greenberg 2004, p. 9].

Вторая половина XIX в. проходит в атмосфере сотрудничества между сербскими и хорватскими лингвистами. В этот период осуществляется обогащение лексикона, в частности разработка научной, юридической и административной терминологии, нормализация орфографии, кодификация нового стандартного языка в грамматиках и словарях; тогда же закрепляется двойное название *сербскохорватский* / *хорваткосербский*, *хорватский* или *сербский*¹⁹.

С течением времени центристское движение ослабло и сменилось центробежным. Павле Ивич связывает начало обостре-

¹⁷ Narodne novine; [Greenberg 2004, pp. 24–29].

¹⁸ Такое представление, по всей видимости, возникло под влиянием православной книжной традиции, которая была полностью штокавской.

¹⁹ Впервые двойное название сербско-хорватский появляется в 1818 г. в трудах Якоба Гримма. В 1822 г. его начинает использовать словенский филолог Ерней Копитар, друг и учитель Караджича. Однако официальный статус за этим названием закрепляется лишь в 60-е гг. XIX в. [Thomas 1994, pp. 251–252].

ния отношений между сербами и хорватами с австрийской оккупацией Боснии и Герцеговины в 1878 г. [Ивич 2017, с. 204–205]. События Первой мировой войны, когда сербы и хорваты оказались по разную сторону баррикад, также не могли не сказаться на взаимоотношениях между двумя нациями [Ivić 1984, pp. 334–335]. Образование в 1918 г. независимого Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев (с 1929 г. – Королевство Югославия) привело к упразднению того внешнего давления, которое поддерживало действие центристских сил. Единообразие языка теперь начинает восприниматься как угроза национальной самобытности. По мере ослабления центристских сил возрастает стремление к отграничению от родственных народов, в том числе и в языковом плане. Немногочисленные попытки унификации вариантов сербскохорватского языка, предпринимавшиеся в 10–20-е гг. XX в., не имели успеха. Так, весной 1914 г. известный сербский критик и историк литературы Йован Скерлич предложил, чтобы носители иекавского произношения перешли на экавицу, а кириллица была повсеместно заменена латиницей²⁰; эта инициатива получила поддержку лишь ограниченного круга хорватских интеллектуалов [Ivić 1984, pp. 334–335]. Предложенный королем Югославии Александром I в 1929 г. проект унификации языка также не получил широкой поддержки, а в Загребе и вовсе был встречен враждебно [Ivić 1984, p. 335].

Кульминацией дезинтеграционных процессов стали события конца 30-х – первой половины 40-х гг. В 1939 г. было принято решение о создании полуавтономной Хорватской бановины²¹ [Валев и др. ред. 1963, с. 169], а во время Второй мировой войны было образовано Независимое государство Хорватия, просуществовавшее с 1941 по 1945 г. [Багдасаров 2004, с. 31]. Хорватская языковая политика этого периода отличалась экстремальным пуризмом: помимо тяги к искоренению «нехорватских» элементов, этот период ознаменован созданием проекта этимологической орфографии (*korijenski pravopis*) [Ivić 1984, p. 335; Thomas 1994, p. 240–241], в противовес фонемно-ориентированной орфографии Вука и его последователей [Corbett, Browne 2009, p. 332].

В послевоенной Югославии был провозглашен принцип равноправия и самоопределения ее народов. В состав Федеративной На-

²⁰ Эта мера была направлена на стирание различий между двумя основными вариантами языка: «западным» и «восточным». Иекавизм и латиница являются отличительными чертами «западного», условно хорватского, варианта, а экавизм и кириллица – «восточного», условно сербского, варианта.

²¹ Бановина – административно-территориальная единица в Королевстве Югославия.

родной Республики Югославия вошли шесть республик и две автономии: Босния и Герцеговина; Македония; Сербия с автономным краем Воеводина и автономной областью Косово и Метохия; Словения; Хорватия; Черногория. Среди республик, сформированных по этническому принципу, Босния и Герцеговина выделялась своим полинациональным составом, представляя своего рода «Югославию в миниатюре». Сербский, хорватский, македонский и словенский языки в официальных документах 1940-х гг. были признаны равноправными на всей территории государства [Багдасаров 1994, с. 198; Багдасаров 2004, с. 30–31]. Языковая политика Югославии отражала сложность взаимоотношений между федеративными республиками, обладавшими достаточно высокой степенью автономии.

В 1940-х гг. официальными языками Югославии были признаны сербскохорватский в двух его вариантах, словенский и македонский [Невекловский 2002, с. 129, 131; Багдасаров 2004, с. 30–31]. Де-факто сербскохорватский занимал доминирующее положение, выступая в качестве языка-«макропосредника» (термин А.Р. Багдасарова), который выполнял функцию языка межэтнической коммуникации и обслуживал государственные нужды, в том числе представлял государство на международном уровне; владение сербскохорватским обеспечивало свободу коммуникации и упрощало социальную интеграцию, следствием чего было развитие билингвизма в национальных республиках и автономиях [Багдасаров 2004, с. 31–32; Corbett, Browne 2009, p. 333].

По вопросу о вариантах сербскохорватского языка высказывались две противоположные точки зрения. Согласно одной из них – ее можно назвать *сепаратистской* – понятию сербскохорватский язык в реальности соответствует сумма двух (или более) самостоятельных вариантов. Такая точка зрения получила большую популярность после распада Социалистической Федеративной Республики Югославия и образования на ее территории независимых государств. Другая – *унитаристская* – программа настаивала на слиянии вариантов и нивелировании различий между ними в интересах единства языка. Вариантные единицы рассматривались как источник обогащения языка путем закрепления за элементами вариантной пары различных семантических и / или стилистических оттенков.

В сентябре 1953 г. Матица Сербская²² провела опрос среди югославских лингвистов, писателей, поэтов, журналистов и об-

²² Матица Сербская (*Матица Српска*) – старейшее литературное, культурное и научное учреждение сербского народа. Основана в 1826 г., см.: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.maticasrpska.org.rs> (дата обращения 8 сентября 2020).

ществленных деятелей с целью кодификации вариантов сербскохорватского языка. По результатам этого опроса в декабре 1954 г. в Нови-Саде было проведено совещание, завершившееся подписанием *Новосадского договора*. Согласно положениям этого договора, *народный язык сербов, хорватов и черногорцев*²³ представляет собой единый язык; созданный на его основе стандартный язык также представляет собой единый язык с двумя произносительными вариантами, экавским («восточным») и иекавским («западным»); официальное название языка должно включать в себя два компонента, указывающих на две говорящих на этом языке нации – сербскую и хорватскую; два произносительных варианта и два алфавита, кириллический и латинский, признаются равноправными. Было принято решение о создании единого орфографического словаря, многотомного толкового словаря и терминологических словарей. Предполагалось, что они будут выходить в двух изданиях – кириллическом экавском под редакцией Матицы Сербской и иекавском на латинице под редакцией Матицы Хорватской²⁴. Первый том орфографического словаря был опубликован в 1960 г.; первые два тома толкового словаря вышли в 1967 г. и были встречены бурной критикой в Загребе [Ивич 2017, с. 223–224; Багдасаров 1994, с. 203]; в дальнейшем толковый словарь разрабатывался в одностороннем порядке сербской стороной; терминологические словари так и не были выпущены.

В ходе полемики хорватская сторона упрекала своих оппонентов в том, что, вопреки постановлению Новосадского договора о равноценности двух вариантов сербскохорватского языка, на практике предпочтение отдавалось «восточному» варианту. Так, например, до 1971 г. ежегодный «Статистический календарь» публиковался на нескольких языках, исключая «хорваткосербский» («западный» вариант сербскохорватского); по загребскому радио новости дня до 1958 г. транслировались с экавской нормой произношения; в издаваемых в Белграде словарях и пособиях лексика, употребляемая преимущественно в хорватской среде, характеризовалась как областная и менее приемлемая и т. п. [Багдасаров 2004, с. 34–35].

²³ Боснийцы в данном документе не упоминались, что вызвало нареkania со стороны боснийских языковедов.

²⁴ Матица Хорватская (*Matica Hrvatska*) – старейшее литературное, культурное и научное учреждение хорватского народа. Основана в 1842 г., см.: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.matica.hr> (дата обращения 8 сентября 2020).

Рост разногласий в вопросах языковой политики совпадает с усилением дезинтеграционных процессов. Сложившуюся ситуацию описал А.Р. Багдасаров:

Тенденции к обособлению югославского народного хозяйства в границах республик и краев, к переходу от федеративного к конфедеративному устройству усиливали национальное и административно-территориальное обособление республик, вызывая межреспубликанские и межнациональные противоречия, а они, в свою очередь, придавали остроту языковому вопросу, способствовали лингворегионализму, дивергентному развитию языка [Багдасаров 1994, с. 202].

17 марта 1967 г. в загребской газете «Телеграм» («Телеграмма») была опубликована «Декларация о названии и положении хорватского литературного языка» [Багдасаров 1994, с. 202]. В «Декларации» утверждалось, что хорватский вариант языка находится в неравноправном положении по отношению к сербскому, и ставился вопрос о конституционном признании хорватского и сербского в статусе отдельных языков. Сербская сторона ответила на это, опубликовав 3 апреля того же года в газете «Борба» («Борьба») манифест «Предложение для размышления», в котором предлагалось аннулировать результаты Венского соглашения и Новосадского договора и декларировалось право на самостоятельное развитие сербского и хорватского языков [Багдасаров 1994, с. 203]. Оба манифеста были осуждены центральной властью как проявление сепаратизма, однако они были лишь симптомами усиления центробежных тенденций.

В этот период пробуждается интерес к *литературным микро-языкам* (термин принадлежит А.Д. Дуличенко, см. [Дуличенко 2005]) Хорватии – чакавскому и кайкавскому. В конце 1960-х – начале 1970-х гг. создаются литературные общества «*Šakavski sabor*» («Чакавский собор») и «*Kajkavsko spravišće*» («Кайкавский собор»), начинают издаваться журналы «*Šakavska rič*» («Чакавское слово», Сплит) и «*Kaj*» («Что», Загреб) [Дуличенко 2004, с. 70, 101]²⁵.

В 1969 г. в Черногории группа патриотов выступила с идеей создания самостоятельного черногорского языка [Ивич 2017,

²⁵ Названные общества действуют до сих пор, см.: [Электронный ресурс]. URL: <https://kaj-spravisce.hr> (дата обращения 8 сентября 2020); <https://www.cakavskisabor.hr> (дата обращения 8 сентября 2020).

с. 232]. Черногорский вариант языка является иекавским, но при этом в нем преобладает «восточная» лексика и используется кириллическое письмо [Ивич 2017]. Отличительной чертой черногорского варианта является наличие сегмента *iје* в ряде грамматических форм вместо *i* в соответствующих сербских (и хорватских) формах: Gen. Pl. черн. *dobrijeh* / хорв. и серб. *dobrih* 'добрых'; 1 Sg. Neg. от глагола 'быть' черн. *nijesam* / хорв. и серб. *nisam* 'я не есмь' [Neweklowsky 1998, p. 49].

В это же время возрастает внимание к языковой ситуации в Боснии и Герцеговине. В 1970 г. в Сараево состоялся Симпозиум по языковой толерантности (*Sarajevski simpozijum o jezičkoj toleranciji*), на котором подчеркивалось, что язык в Боснии и Герцеговине развивался в особенных условиях и что в нем отражается как самобытное боснийское наследие, так и влияние национальных культур других народов, населяющих территорию распространения сербскохорватского языка [Zaključci 1970; Hodžić 2020]. О гетерогенности как отличительной черте боснийского варианта говорится и в статье [Dizdar 1969], предваряющей сборник старинных боснийских текстов. Речь здесь идет, как нам представляется, об оригинальности боснийского варианта, которая не сводится к «интерференции» восточного и западного вариантов²⁶.

Принятая в 1974 г. новая конституция дала республикам большую независимость, в том числе и в вопросах языка, и признала автономию двух областей – Косово и Воеводины. Официальным языком в Хорватии был провозглашен «хорватский литературный язык – стандартная форма литературного языка хорватов и сербов в Хорватии, который именуется хорватский или сербский» [Багдасаров 2004, с. 42]; в Сербии – сербскохорватский; в Боснии и Герцеговине – сербскохорватский / хорваткосербский в иекавской произносительной норме; в Черногории – сербскохорватский в иекавской произносительной норме; в Словении – словенский; в Македонии – македонский; в Косово – албанский, сербскохорватский и турецкий; в Воеводине – сербскохорватский / хорваткосербский, венгерский, словацкий, румынский и русинский [Багдасаров 2004]. На первый план – как видно из обостренного внимания к лингвонимам – здесь выходит символическая функция языков и вариантов языка, их роль средства национальной самоидентификации [Хауген 2012, с. 104–105].

²⁶ Точка зрения, представленная в [Брозович 1967; Brozović, Ivić 1988; Brozović 1992], см. ниже п. 5.

4. Различия между вариантами стандартного сербскохорватского языка

Различия между вариантами стандартного сербскохорватского языка прослеживаются на нескольких уровнях. До сих пор мы упоминали два различия: на фонологическом уровне – экавское vs иекавское отражение **ě*; в графике – кириллический vs латинский алфавит. Эти два признака отличаются от прочих тем, что смешение двух произносительных вариантов или двух алфавитов в одном тексте является недопустимым (разумеется, речь не идет о переклещении кодов). Однако с тем, что касается территориального распределения экавицы / иекавицы и кириллического / латинского алфавита, дело обстоит сложнее: экавское произношение распространено в Сербии, иекавское – на юго-западе Сербии, в Черногории, Хорватии, Боснии и Герцеговине, в том числе среди сербского населения²⁷; и в то время как кириллица не получила широкого распространения на западе, латиница в Сербии к середине XX в. «укоренилась настолько, что возможность легко отказаться от нее исключена» [Ивич 2017, с. 237]²⁸.

Различия на других уровнях проводятся не столь последовательно и / или затрагивают лишь отдельные участки системы. К морфонологическому уровню мы относим различия, касающиеся фонемного состава идентичных морфем и не сводимые к различиям на фонологическом уровне (мы отдаем себе отчет в произвольности такого решения). К этому уровню мы относим:

а) упоминавшиеся выше в п. 3 пары Gen. Pl. черн. *dobrijeh* / хорв. и серб. *dobrih* ‘добрых’, 1 Sg. Neg. черн. *nijesam* / хорв. и серб. *nisam* ‘я не есмь’ [Neweklowsky 1998, p. 49]²⁹;

б) сохранение этимологического *h*³⁰, характерное для хорватского [Невекловский 2001, с. 42; Brozović 1992, p. 366] и боснийского [Гудков 2001] вариантов vs выпадение этимологического *h*

²⁷ Так, в самопровозглашенной Республике Сербская Краина на территории Хорватии школьное обучение и средства массовой информации в 1993 г. были переведены на экавский вариант из солидарности с Сербией, в то время как население говорило на иекавице [Thomas 1994, p. 239].

²⁸ Впоследствии, в интервью 1992 г., Ивич выскажет мнение, что владение латиницей давало сербам преимущество в Югославии эпохи Тито, но после возникновения самостоятельного государства предпочтение следует отдать кириллице [Thomas 1994, p. 246].

²⁹ Различие между *nijesam* и *nisam* можно трактовать как различие в фонемном составе корня со значением ‘быть’ – /jes/ vs /s/.

³⁰ Мы выделяем этот признак в отдельный пункт, следуя цитируемым описаниям вариантов.

(с заменой на согласный *v* или *j* в интервокальной позиции) в сербском варианте: *hrđavi* / *rđavi* 'ржавый', *kuhati* / *kuvati* 'варить, готовить', *lijeha* / *leja* 'грядка', *halva* / *alva* 'халва' (здесь и далее, если не указано иное, слева приводится «западный» вариант, справа – «восточный»³¹);

с) варианты окончаний определенных прилагательных: Gen. Sg. Masc. / Neutr. *bogatoga* / *bogatog* 'богатого', Dat. Sg. Masc. / Neutr. *bogatome*, *bogatomu* / *bogatom* 'богатому', Loc. Sg. Masc. / Neutr. *bogatome* / *bogatom* 'богатом' [Гудков 1969, с. 33–35; Thomas 1994, р. 241]. В [Гудков 1969, с. 35] описываются как равноправные все перечисленные варианты, кроме варианта Dat. Sg. Masc. / Neutr. *bogatomu* 'богатому', который встречается «чаще в западной разновидности литературного языка, чем в восточной»;

d) варианты словообразовательных суффиксов *-ero* / *-oro* в парах типа *petero* / *petoro* 'пятеро' и т. п. [Невекловский 2001, с. 43];

e) варианты корней в парах типа *tko* / *ko* 'кто', *opći* / *opšti* 'общий', *kemija* / *hemija* 'химия', *kirurg* / *hirurg* 'хирург', *ocean* / *okean* 'океан' [Невекловский 2001, с. 43; Brozović 1992, pp. 366–368];

f) расхождения в акцентуации между западным и восточным вариантом, например *zòvĕmo* / *zovĕmo* 'зовём', *zà mene* / *za mène* 'за меня' [Невекловский 2001, с. 42].

Различия на морфологическом, синтаксическом и лексическом уровнях заключаются в предпочтении тех или иных морфем, синтаксических оборотов и лексем и носят, как отмечается в [Гудков 1965; Thomas 1994, pp. 241–246], вероятностный характер.

В числе морфологических различий можно назвать следующие:

a) выбор словообразовательных аффиксов, е. г. *organizirati* / *organizovati* 'организов(ыв)ать', *intervjuirati* / *intervjuisati* 'интервьюировать', *studentica* / *studentkinja* 'студентка', *profesorica* / *profesorka* 'преподавательница' [Невекловский 2001, с. 43];

b) выбор типа склонения существительных: первое *slavist* / второе *слависта* 'славист';

с) окончание Nom. Sg. гипокористических имен, изменяющихся по второму склонению: *zeko* / *zeka* 'зайка' [Brozović 1992, р. 368];

d) Gen. Pl. существительных второго склонения. Ко второму склонению принадлежат существительные женского и мужского

³¹ Употребленные без кавычек лингвонимы сербский, черногорский, боснийский, хорватский обозначают варианты сербскохорватского языка, принятые в Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговине и Хорватии соответственно. Употребленные в кавычках названия «сербский» и «хорватский» являются синонимами к названиям «восточный» и «западный» вариант сербскохорватского языка соответственно.

рода с окончанием *-a*: е. g. *majka* f. 'мать', *nada* f. 'надежда'. Многие существительные второго склонения с основой на группу согласных $-C_1C_2$ образуют форму Gen. Pl. двумя или тремя различными способами: 1) при помощи окончания *-ī*; 2) при помощи окончания *-ā*, со вставным *ā* между C_1 и C_2 или без него. Так, от *majka* образуются формы Gen. Pl. *majki*, *majka*, *majaka* 'матерей', от *bitka* 'битва' – *bitki* и *bitaka* 'битв', от *sumnja* 'сомнение' – *sumnji* и *sumanja* 'сомнений', от *borba* 'борьба' – *borbi* и *borba* etc. [Гудков 1965, с. 54; Гудков 1969, с. 30–31; Thomas 1994, р. 241]. Согласно [Гудков 1965], в «сербском» варианте преобладают формы на *-ī*, в «хорватском» – на *-ā*;

е) Instr. Sg. существительных третьего склонения. К третьему склонению принадлежат существительные женского рода с нулевым окончанием: е. g. *stvar* f. 'вещь', *pamet* f. 'ум', *vlast* f. 'власть'. У большинства из них форма Instr. Sg. образуется при помощи окончания *-ju*: *stvarju* 'вещью', *pameću* 'умом', *vlašću* 'властью'; образование формы Instr. Sg. при помощи окончания *-ju* сопровождается в ряде случаев чередованием в основе, обусловленным палатализацией предшествующего согласного. Некоторые существительные третьего склонения допускают также образование формы Instr. Sg. при помощи окончания *-i* (*stvari* 'вещью') или образуются преимущественно / исключительно при помощи окончания *-i* (*kokoši* 'курицей', *tomčadi* 'парнями' coll.) [Гудков 1969, с. 32–33]. Согласно [Гудков 1965], у существительных третьего склонения с исходом основы на *-ost* в «сербском» варианте языка формы Instr. Sg. образуются практически исключительно при помощи окончания *-ju*, тогда как в «хорватском» встречаются формы с окончанием *-i*: *starosti* / *starošću* 'старостью' от *starost* 'старость', *gluposti* / *glupošću* 'глупостью' от *glupost* 'глупость'. Согласно [Brozović 1992, pp. 368–369], существительные третьего склонения в «хорватском» варианте принимают окончание *-i* в том случае, если при них есть предлог или определение (*attribute*), в то время как «сербский» вариант использует форму с окончанием *-ju* в обоих случаях: *jednom riječi* / *jednom rečju* 'одним словом';

ф) Nom. Pl. существительных первого склонения. К первому склонению относятся существительные мужского рода с нулевым окончанием и существительные среднего рода с окончанием *-o* или *-e*. У некоторых существительных мужского рода первого склонения форма Nom. Pl. может образовываться двумя способами – при помощи окончания *-i* и при помощи окончания *-ovi*, причем первый способ более обычен для «хорватского», а второй – для «сербского» варианта: *grijesi* / *grehovi* 'грехи', *švi* / *šavovi* 'швы', *zvijeri* / *zverovi* 'звери' (образование формы Nom. Pl. может сопровождаться чере-

дованиями в основе); однако в обоих вариантах языка наблюдаются отклонения в пользу другого способа [Гудков 1965, с. 55–56];

г) соотношение определенных и неопределенных прилагательных. Согласно [Thomas 1994, p. 241], в «хорватском» варианте языка наблюдается более широкое употребление неопределенных форм по сравнению с «сербским» вариантом;

h) сохранение так называемых усложненных форм сослагательного наклонения типа *bio bih znao* ‘знал бы’, выражающих контрфактическое значение, характерно для «хорватского» варианта [Гудков 1965, с. 56; Гудков 1969, с. 61].

Отличительной синтаксической чертой «сербского» варианта обычно называют сокращение употребления конструкций с инфинитивом в пользу конструкций с союзом *da* и презенсом – особенность, объясняемая влиянием языков балканского языкового союза [Thomas 1994, p. 241], в которых инфинитив отсутствует³², ср. замечание в [Алановић, Ајџановић 2010, s. 20] о том, что инфинитив представлен в северо-западных говорах значительно шире, чем в юго-восточных.

Так, целевая конструкция с инфинитивом типа *došao pitati* ‘пришел спросить’ сохраняется в «хорватском» варианте и вытеснена конструкциями типа *došao da pita* в «сербском» [Гудков 1965, с. 57].

Значение будущего времени в независимом предложении может быть выражено двумя способами: 1) при помощи будущего I, которое образуется путем прибавления форм вспомогательного глагола *hteti* ‘хотеть’ к инфинитиву, е. г. *ja ću raditi* ‘я буду работать’, *ja neću raditi* ‘я не буду работать’; 2) при помощи конструкции со вспомогательным глаголом *hteti*, союзом *da* и презенсом, е. г. *ja ću da radim* ‘я буду работать’, *ja neću da radim* ‘я не буду работать’ [Гудков 1965, с. 57–58; Гудков 1969, с. 58–59]. Последние могут выражать, помимо футурального, также модальные значения [Гудков 1969, с. 59; Алановић, Ајџановић 2010, с. 17–18]. Конструкции с *da* более употребительны в «сербском» варианте языка, однако, как показано в [Гудков 1965; Алановић, Ајџановић 2010], неверно было бы делать вывод об отсутствии этих конструкций в «западном» варианте стандарта или об отсутствии будущего I с инфинитивом в «восточном» варианте.

Будущее II образуется путем прибавления форм презенса от основы совершенного вида вспомогательного глагола *biti* ‘быть’ к

³² Нерознак В.П. Балканский языковой союз // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 63–64; Mišeska Tomić O. Balkan Sprachbund Morpho-syntactic Features. Dordrecht: Springer, 2006.

причастию прошедшего времени на *-l*, е. г. [*kada*] *budem radio* ‘[когда] я буду работать’ и употребляется в зависимых клаузах для обозначения действия, предшествующего другому действию в будущем. По наблюдениям в [Алановић, Ајџановић 2010, s. 23–24], «хорватский» вариант допускает замену будущего II на будущее I в придаточных предложениях времени, что для «сербского» варианта является неприемлемым.

Эти и некоторые другие различия в синтаксисе, морфологии и отчасти морфонологии носят неабсолютный характер и, определяя облик каждого из вариантов, не препятствуют взаимопониманию. То же можно сказать и о лексике. В работах, посвященных вариантам сербскохорватского языка, приводятся списки наподобие следующего: *kruh* / *hleb* ‘хлеб’, *žlica* / *kašika* ‘ложка’, *križ* / *krst* ‘крест’ etc., ср. также приводимую в [Brozović 1992, p. 373] пару для слова из списка Сводеша – *jetra* / *džigerica* ‘печень’. «Хорватский» вариант, с его тягой к пуризму, часто предпочитает исконные слова заимствованиям, е. г. *tisuća* / *hiljada* ‘тысяча’, *glazba* / *muzika* ‘музыка’, *zračna luka* / *aerodrom* ‘аэропорт’, *nogomet* / *fudbal* ‘футбол’, названия месяцев: *siječanj* / *januar* ‘январь’, *veljača* / *februar* ‘февраль’, *ožujak* / *mart* ‘март’ etc. [Багдасаров 1994; Багдасаров 2001; Багдасаров 2004; Greenberg 2004, pp. 48–50].

Для внешнего наблюдателя, ориентирующегося на коммуникативную функцию языка, сербскохорватский предстает как единый язык. К такому выводу приходит В.П. Гудков:

...грамматические расхождения между двумя разновидностями сербско-хорватского литературного языка характеризуются в основном количественными показателями. Между двумя вариантами нет существенных структурных различий. Функционируя в двух вариантах, своеобразие которых определяется главным образом лексическими расхождениями, сербско-хорватский язык остается в сущности своей единым [Гудков 1965, с. 59].

В [Гудков 2001] такая же оценка дана боснийскому варианту языка: «По своей материи и структуре *босняцкий* (“*боснийский*”) язык есть то же самое, что традиционно именовалось сербскохорватским языком».

По оценке П.-Л. Тома [Thomas 1994, pp. 252–253; Thomas 1998, pp. 35–36], разница между вариантами сербскохорватского языка не больше, чем между региональными вариантами английского, немецкого, французского, испанского или португальского, а стремление видеть в них разные языки коренится в устаревшей концепции «один язык = один народ = одно государство».

В случае с сербскохорватским, как нам представляется, ценность символической роли вариантов возрастала по мере усиления центробежных тенденций в условиях, когда другие конституирующие признаки нации, такие как территориальная и политическая автономия, не были реализованы в полной мере. Отсюда такие крайние проявления, как приводимый в [Багдасаров 1994, с. 207] ответ хорвата на просьбу передать хлеба (*hleba*): «Пока ты не скажешь *kruh*, не получишь ничего!» Там же упоминается о существовавшем в 50-е гг. XX в. запрете употреблять хорватские названия месяцев в языке администрации. Роберт Гринберг вспоминает следующий эпизод из своего пребывания в Хорватии в конце восьмидесятых: он рассказал принимающей стороне о своих планах на июль, употребив «восточное» название месяца *jul* вместо «западного» *srpanj*; после этого одна из сотрудниц института отвела его в сторону, отчитала и заставила повторить за ней названия всех двенадцати месяцев [Greenberg 2004, p. 2].

Здесь уместно вспомнить рассуждение Э. Хаугена:

Группа, обладающая высокой степенью солидарности, будет стремиться преодолеть значительные языковые различия, тогда как для группы, не обладающей ею, даже небольшие различия станут основанием для отчуждения [Хауген 2012, с. 110].

5. Проблема вариантов сербскохорватского языка в работах Павле Ивича и Далибора Брозовича

Павле Ивич и Далибор Брозович, два выдающихся югославских лингвиста, представляющие сербскую и хорватскую стороны соответственно, отстаивали в своих работах положение о единстве сербскохорватского языка.

В монографии [Brozović, Ivić 1988] стандартный сербскохорватский язык определяется как язык сербов, хорватов, черногорцев и мусульман, представленный в нескольких вариантах (*varijanti standardnog jezika*, или *standardnojezični izrazi*), из которых два – *восточный*, *сербский*, и *западный*, *хорватский*, называемый также *хорватским литературным языком*, развились раньше других [Brozović, Ivić 1988, с. 99, 102–103]. Черногорский вариант, по мнению авторов, представляет собой, «в сущности, иекавскую версию восточного варианта», тогда как боснийский вариант (*bosanskohercegovački standardnojezični izraz*) описывается как результат нейтрализации вариантов [Brozović, Ivić 1988, с. 103]. Теоретические основания такого решения изложены в статье [Брозович 1967].

Прежде всего Далибор Брозович строго разграничивает *стандартный язык* и *диасистему в ранге языка*. Он вводит классификацию идиомов, подразделяя их, во-первых, на *органические* и *неорганические* и, во-вторых, на *конкретные* и *абстрактные*. Органическими «считаются идиомы, развившиеся в рамках конкретной этнической общности», которые «удовлетворяют лишь ее собственные коммуникативные и экспрессивные потребности» [Брозович 1967, с. 4]. Согласно этому определению, органическим идиомом можно считать

...лишь говор социально монолитной, этнически гомогенной... замкнутой и устойчивой общности, с определенными особенностями культуры, т. е. *говор* отдельного села или группы сёл и деревень или говор какого-либо племени, рода... [Брозович 1967, с. 4].

Все остальные виды идиомов признаются неорганическими. Конкретными можно считать такие идиомы, которые «обладают четко определяемым инвентарем элементов своей субстанции и четко определяемой структурой» [Брозович 1967, с. 5], так что о каждом элементе субстанции или структуры можно однозначно утверждать, что он относится либо не относится к данному идиому. Конкретными признаются два вида идиомов – территориальный *говор* и *стандартный язык*. Все остальные идиомы неконкретны, причем «органические идиомы, иерархически более высокие, чем говор, *абстрактны*» [Брозович 1967, с. 5]. К абстрактным органическим идиомам принадлежит *диалект* как результат абстрагирования общих черт некоторого множества говоров и *язык* как результат абстрагирования общих черт некоторого множества диалектов. Понимаемый таким образом, *язык* получает название *диасистема в ранге языка*. Таким образом, *стандартный язык* – это конкретный неорганический идиом, а *диасистема в ранге языка* – это абстрактный органический идиом.

Стандартный язык может формироваться как на основе диасистемы в ранге языка, так и на органической основе более низкого ранга; может обслуживать одну нацию или несколько.

Если же субстанция и структура двух стандартных языков, принадлежащих одной диасистеме, не обнаруживают существенных различий, мы приближаемся к понятию *вариантов* стандартного языка [Брозович 1967, с. 16].

Брозович выделяет два варианта сербскохорватского языка – «хорватский» и «сербский», которые «имеют частично разную диа-

лектную основу» [Брозович 1967, с. 23]. Боснию и Герцеговину, по его мнению, «можно рассматривать как область, где скрещиваются особенности обоих вариантов» [Брозович 1967, с. 17], а черногорцы пользуются сербским вариантом в его иекавской разновидности. Практически и юридически, подчеркивает Брозович, варианты стандартного языка функционируют так же, как и отдельные стандартные языки.

Мы не находим у Брозовича строгой процедуры, которая позволяла бы провести границу между отдельным стандартным языком и вариантом. Но поскольку релевантными в вопросе о том, «имеет ли некоторый идиом характер стандартного языка», признаются «природа идиома как коммуникативного и экспрессивного средства определенной культуры» и «характер самой культуры» [Брозович 1967, с. 14], можно предположить, что решающую роль здесь должно играть самоопределение. Суждения Брозовича о боснийском и черногорском вариантах языка, по всей видимости, связаны с его представлениями о недостаточной определенности, нечеткости статуса боснийской и черногорской наций [Brozović 1992, p. 352]. Таким образом, в работах Далибора Брозовича придается важное значение символической функции языка (или, в данном случае, варианта).

Павле Ивич, утверждая, что «фундаментальная тождественность сербского и хорватского языков является объективной данностью» [Ивич 2017, с. 241], делает упор на коммуникативной функции. Идеальной лингвисту представляется ситуация, при которой варианты были бы достаточно близки, чтобы не препятствовать взаимопониманию, и при этом сохраняли свои самобытные черты, обогащая тем самым единый сербскохорватский язык. В своем стремлении доказать единство языка Ивич иногда пытается нивелировать культурные различия между нациями, иными словами, отрицает значимость символически нагруженных неязыковых различий. Так, рассуждая о роли литературной традиции Дубровника, Ивич подчеркивает, что «граждане Дубровника времен Республики не чувствовали себя ни сербами, ни хорватами» [Ивич 2017, с. 156], а сам этноним *хорваты* в его современном значении считает поздним, первоначально относившимся к небольшой этнической группе [Ivić 1984, pp. 321–322].

6. Боснийский и черногорский варианты

Боснийский и черногорский варианты долгое время оставались в тени, не получая должного внимания. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. боснийским лингвистам потребовалось изобрести изоциренный терминологический аппарат, чтобы описать языковую си-

туацию в Боснии и Герцеговине в терминах эластичной нормы и вариантной поляризации. В попытках сохранить хрупкое равновесие между сепаратизмом и унитаризмом они развивали идею единства в многообразии: право вариантов на существование признается до тех пор, пока они не претендуют на обособление и самостоятельность. В этот период провозглашается аутентичность боснийско-герцеговинского варианта, которая заключается в способности к нейтрализации вариантной оппозиции, порождающей и поддерживающей существование двух полярных вариантов [Janković 1982; Янкович 1991; Бастич 1991; Тошович 1991]. В сущности, такая точка зрения мало отличается от приводимой Брозовичем.

Иной позиции придерживается Джевад Яхич: главным аргументом в пользу существования боснийского языка является для него существование боснийской нации [Jahić 1987; Яхич 1991; Jahić 1999; Jahić et al. 2000]. В [Яхич 1991] Босния и Герцеговина описывается как «срединный ареал», а боснийский вариант – как «межвариантный сплав», и в то же время подчеркивается, что стандартный сербскохорватский язык возник на основе восточно-герцеговинских диалектов, «ядро которых находится на боснийско-герцеговинской территории». Характерно утверждение о том, что, даже если бы боснийский язык совершенно не отличался от сербского / хорватского, он был бы боснийским уже потому, что на нем говорят *босняки*³³. Бытовавшее в югославской лингвистике представление о несамостоятельном (смешанном) характере боснийского идиома расценивается как отрицание (*negiranje*) нации. Подобным образом рассуждает и черногорский лингвист В. Никчевич, утверждая, что «существование народа влечет за собой существование языка» и что «язык не может быть отделен ни от народа, ни от нации, ни от государства» [Nikčević, Šćepanović 1998]. Здесь вновь актуализируется идея «один язык = один народ = одно государство» и символическая функция идиома выдвигается на первый план.

Интересно отметить, что данная ситуация является как бы зеркальной по отношению к ситуации в Турции, описанной в [Blanc 2019]: националистически настроенные турецкие лингвисты склонны считать все тюркские языки диалектами одного языка, тогда как их оппонент Талат Текин, получивший образование в

³³ Под термином *босняки* (*bošnjaci*) понимается нация, а под термином *боснийцы* (*bosanci*) – все многонациональное население государства Босния и Герцеговина. При этом термин боснийский язык (*bosanski jezik*) обозначает язык босняков как нации.

США, настаивает на том, что это отдельные языки, исходя из (в общем случае) отсутствия взаимопонимания между их носителями, т. е. основываясь на коммуникативной функции языка. В странах бывшей Югославии наиболее радикально настроенные лингвисты настаивают на праве своего варианта на статус самостоятельного языка, игнорируя практически полное взаимопонимание между носителями различных вариантов, а зарубежные и более умеренные югославские лингвисты склонны описывать его как один язык с несколькими вариантами, полицентричный язык (*pluricentric language*) [Brozović 1992].

7. Заключение

Стандартный сербскохорватский язык, созданный в XIX в. как общий язык сербов, хорватов, боснийцев и черногорцев, изначально существовал в нескольких вариантах. Эти варианты были достаточно близки для того, чтобы не мешать коммуникации; в то же время каждый вариант обладал символической значимостью как маркер соответствующего этноса. Мы рассмотрели историю бытования сербскохорватского языка от его возникновения до распада Югославии. Дальнейшая судьба вариантов сербскохорватского языка и их «потомков», новых стандартных языков на штокавской основе, – проблема, заслуживающая отдельного рассмотрения.

Литература

- Алановић, Ајџановић 2010 – Алановић М., Ајџановић М. Неке особености у дистрибуцији футурских времена у српском и хрватском језику // Die Unterschiede zwischen dem Bosnischen / Bosniakischen, Kroatischen und Serbischen. Grammatik. Нг. Тошовић В. Мюнстер: Lit Verlag, 2010. С. 17–27.
- Багдасаров 1994 – Багдасаров А.Р. Социолингвистический аспект языковых отношений в Хорватии и Сербии во второй половине XX века // Язык–культура–этнос / Отв. ред. Г.П. Нешименко. М.: Наука, 1994. С. 198–210.
- Багдасаров 2001 – Багдасаров А.Р. Функционально-политические аспекты функционирования лексической системы современного хорватского языка (90-е годы XX века) // Славяноведение. 2001. № 1. С. 51–57.
- Багдасаров 2004 – Багдасаров А.Р. История развития хорватско-сербских этноязыковых отношений (1940–90-е гг. XX в.) // Славянский вестник. Вып. 2: К 70-летию В.П. Гудкова / Ред. Н.А. Ананьева, З.И. Карцева. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 30–48.

- Бастич 1991 – *Бастич Й.* Сербскохорватский язык: языковая политика в Боснии и Герцеговине // *Функционирование языков в многонациональном обществе* / Отв. ред. В.М. Солнцев. М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1991. С. 72–88.
- Бернштейн 1961 – *Бернштейн С.Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 352 с.
- Брозович 1967 – *Брозович Д.* Славянские стандартные языки и сравнительный метод // *Вопросы языкознания*. 1967. № 1. С. 3–33.
- Бромлей и др. ред. 1963 – История Югославии. Том I / Ред.: Ю.В. Бромлей, И.С. Достян, В.Г. Карасёв, С.А. Никитин. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 737 с.
- Валев и др. ред. 1963 – История Югославии. Том II / Ред.: Л.Б. Валев, Г.М. Славин, И.И. Удальцов. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 431 с.
- Гудков 1965 – *Гудков В.П.* О вариантах сербскохорватского языка // *Советское славяноведение*. 1965. № 3. С. 52–59.
- Гудков 1969 – *Гудков В.П.* Сербохорватский язык. М.: Изд-во Московского ун-та, 1969. 169 с.
- Гудков 2001 – *Гудков В.П.* О статусе, структуре и названии литературного языка боснийских мусульман // *Исследования славянских языков в русле традиций сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания: Информационные материалы и тезисы докладов междунар. конф. Москва, 30–31 октября 2001 г.* М.: Изд-во Московского ун-та, 2001. С. 24–25.
- Даниэль 2019 – *Даниэль М.А.* Социолингвистика // А.Е. Кибрик и др. Введение в науку о языке / Ред. О.В. Фёдорова, С.Г. Татевосов. М.: Буки Веди, 2019. С. 358–373.
- Дуличенко 2004 – *Дуличенко А.Д.* Славянские литературные микроязыки. Образцы текстов. Том II. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 2004. 398 с.
- Дуличенко 2005 – *Дуличенко А.Д.* Малые славянские литературные языки (микроязыки) // *Языки мира: Славянские языки* / Ред. колл.: А.М. Молдован, С.С. Скорвид, А.А. Кибрик и др. М.: Academia, 2005. С. 595–615.
- Ивич 2017 – *Ивич П.* Сербский народ и его язык. М.: Индрик, 2017. 384 с.
- Ивић 1985 – *Ивић П.* Дијалектологија српскохрватског језика. Увод и штокавско наречје. II издање. Нови Сад: Издавачка радна организација Матице српске, 1985. 218 с.
- Ивић 1998 – *Ивић П.* Преглед историје српског језика. Сремски Карловци; Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 1998. 348 с.
- Кибрик 2019 – *Кибрик А.Е.* Язык // Кибрик А.Е. и др. Введение в науку о языке / Ред.: О.В. Фёдорова, С.Г. Татевосов. М.: Буки Веди, 2019. С. 15–23.
- Кречмер, Невекловский 2005 – *Кречмер А.Г., Невекловский Г.* Сербохорватский язык (сербский, хорватский, боснийский языки) // *Языки мира: Славянские языки* / Ред. колл.: А.М. Молдован, С.С. Скорвид, А.А. Кибрик и др. М.: Academia, 2005. С. 139–198.
- Кречмер, Невекловский 2017 – *Кречмер А.Г., Невекловский Г.* Сербохорватский язык (сербский, хорватский, боснийский, черногорский языки) // *Языки мира: Славянские языки* / Ред. колл.: А.М. Молдован, С.С. Скорвид, А.А. Кибрик и др. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 151–212.
- Мейе 1951 – *Мейе А.* Общеславянский язык. М.: Изд-во иностранной лит., 1951. xvi + 491.
- Невекловский 2001 – *Невекловский Г.* Языковое состояние на территории распространения бывшего сербскохорватского языка // *Славяноведение*. 2001. № 1. С. 39–50.

- Невекловский 2002 – *Невекловский Г.* Языковая ситуация на территории распространения южнославянских языков // Вопросы языкознания. 2002. № 2. С. 128–134.
- Сидоров 1952 – *Сидоров В.Н.* Предисловие // Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1952. С. 3–12.
- Симић 1996 – *Симић Р.* Смисао и донети књижевно-језичких реформа код срба на почетку XIX века // Научни састанак слависта у Вукове дане 25.02.1995. Београд; Нови Сад, 1996. С. 131–132.
- Супрун, Молдован 2005 – *Супрун А.Е., Молдован А.М.* Старославянский и церковнославянский язык // Языки мира: Славянские языки / Ред. колл.: А.М. Молдован, С.С. Скорвид, А.А. Кибрик и др. М.: Academia, 2005. С. 29–69.
- Толстой 1988 – *Толстой Н.И.* История и структура славянских литературных языков. М.: Наука, 1988. 239 с.
- Толстой 1998 – *Толстой Н.И.* Slavia Orthodoxa and Slavia Latina – общее и различное в литературно-языковой ситуации (опыт предварительной оценки) // Толстой Н.И. Избранные труды: В 3 т. Том II: Славянская литературно-языковая ситуация. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 22–29.
- Тошович 1991 – *Тошович Б.* Сравнительно-социолингвистическая парадигма югославско-советской языковой ситуации // Функционирование языков в многонациональном обществе / Отв. ред. В.М. Солнцев. М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1991. С. 102–130.
- Хауген 2012 – *Хауген Э.* Язык, диалект, нация // Социолингвистика и социология языка: Хрестоматия / Отв. ред. Н.Б. Вахтин. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. С. 97–113.
- Янкович 1991 – *Янкович С.* Вариантное расслоение сербскохорватского стандартного языка и боснийско-герцеговинский языковой тип // Функционирование языков в многонациональном обществе / Отв. ред. В.М. Солнцев. М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1991. С. 21–49.
- Яхич 1991 – *Яхич Дж.А.* О некоторых языковых тенденциях в Югославии // Функционирование языков в многонациональном обществе / Отв. ред. В.М. Солнцев. М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1991. С. 402–417.
- Blanc 2019 – *Blanc J.-B.* Le turc est-il une langue ou une famille de langues ? // История лингвистики, история идей: Фестшрифт в честь Патрика Серио = Histories des linguistiques, histoires des idées: Mélanges offerts à Patrick Sériot / Ред. Морэ С., де Ля Фортель А. М.: ОГИ, 2019. С. 55–69.
- Brozović, Ivić 1988 – *Brozović D., Ivić P.* Jezik, srpskohrvatski / hrvatskosrpski, hrvatski ili srpski. Zagreb: Miroslav Krleža, 1988. xi + 119.
- Brozović 1992 – *Brozović D.* Serbo-Croatian as a pluricentric language // Pluricentric Languages: Differing Norms in Different Nations / Ed. M.G. Clyne. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1992. P. 347–380.
- Corbett, Browne 2009 – *Corbett G., Browne W.* Serbo-Croat: Bosnian, Croatian, Montenegrin, Serbian // The World's Major Languages / Ed. by B. Comrie. London; New York: Routledge, 2009. P. 330–346.
- Dizdar 1969 – *Dizdar M.* O starim bosanskim tekstovima // M. Dizdar. Stari bosanski tekstovi. Sarajevo: Svjetlost, 1969. S. 11–36.
- Friedman 1999 – *Friedman V.* Linguistic Emblems and Emblematic Languages: On Language as Flag in the Balkans. Columbus, Ohio: Ohio State University, 1999. vii + 34.

- Greenberg 2004 – *Greenberg R.D.* Language and Identity in the Balkans. Oxford: Oxford University Press, 2004. 205 p.
- Hodžić 2020 – *Hodžić J.* Sociolingvistički uvidi u rasprave o bosanskom jeziku na *Mostarskom savjetovanju o književnom jeziku* (1973) i *Sarajevskom savjetovanju* (2019) // *Jezikoslovni zapiski*. 2020. Vol. 26. № 1. P. 129–142.
- Ivić 1984 – *Ivić P.* L'évolution de la langue littéraire sur le territoire linguistique serbo-croate. *Revue des études slaves*. 1984. Vol. 56. № 3. P. 313–344.
- Jahić 1987 – *Jahić Dž.* Uloga “bosanskog jezika” u procesima srpskohrvatske standardizacije // *Pregled*. 1987. № 2. S. 245–255.
- Jahić 1999 – *Jahić Dž.* Bošnjački narod i njegov jezik. Sarajevo: Ljiljan, 1999. 124 str.
- Jahić et al. 2000 – *Jahić Dž., Halilović S., Palić I.* Gramatika bosanskoga jezika. Zenica: Dom štampe, 2000. 476 str.
- Janković 1982 – *Janković S.* Distinktivni pokazatelji standardnojezičke varijantnosti. *Naše teme*. 1982. № 5. S. 841–851.
- Lehfeldt 2014 – *Lehfeldt W.* Herausbildung der Standardsprache bei Serben und Kroaten // *The Slavic Languages. An International Handbook of their Structure, their History and their Investigation*. Vol. 2 / Eds. K. Gutschmidt, S. Kempgen, T. Berger, P. Kosta. Berlin; Munich; Boston: De Gruyter Mouton, 2014. S. 1446–1469.
- Lončarić 1996 – *Lončarić M.* 1996. Kajkavsko narječje. Zagreb: Školska knjiga, 1996. viii + 200 p.
- Neweklowsky 1998 – *Neweklowsky G.* The linguistic situation in Serbia and Montenegro // *Zeitschrift für Balkanologie*. 1998. Vol. 34. № 1. P. 48–55.
- Nikčević, Šćepanović 1998 – *Nikčević V., Šćepanović M.* Da li postoji crnogorski jezik? Radio-Most. 05.04.1998 [Электронный ресурс]. URL: www.montenet.org/language/karabeg.html (дата обращения 8 сентября 2020).
- Okuka 2008 – *Okuka M.* Srpski dijalekti. Zagreb: SKD Prosvjeta, 2008. 162 str.
- Rizvić 1996 – *Rizvić M.* Bosna i Bošnjaci. Jezik i pismo. Sarajevo: Preporod, 1996. 70 str.
- Thomas 1994 – *Thomas P.-L.* Serbo-Croate, Serbe, Croate..., Bosniaque, Monténégrin: une, deux..., trois, quatre langues? // *Revue des études slaves*. 1994. Vol. 66. № 1. P. 237–259.
- Thomas 1998 – *Thomas P.-L.* Fonction communicative et fonction symbolique de la langue sur l'exemple du serbo-croate : bosniaque, croate, serbe // *Revue des études slaves*. 1998. Vol. 70. № 1. P. 27–37.
- Zaključci 1970 – Zaključci Sarajevskog simpozijuma o jezičkoj toleranciji. Sarajevo, 1970. 194 str.

References

- Alanović, M. and Ajdžanović, M. (2010), “Some peculiarities in the distribution of future tenses in Serbian and Croatian”, in Tošović, B. (ed.), *Die Unterschiede zwischen dem Bosnischen / Bosniakischen, Kroatischen und Serbischen. Grammatik*, Lit Verlag, Münster, Germany, pp. 17–27.
- Bagdasarov, A.R. (1994), “Sociolinguistic aspect of linguistic relations in Croatia and Serbia in the 2nd half of the XXth century”, in Neshchimenko, G.P. (ed.), *Yazyk – kul'tura – etnos* [Language – culture – ethnicity], Nauka, Moscow, Russia, pp. 198–210.

- Bagdasarov, A.R. (2001), "Functional and political aspects of the functioning of the lexical system of the modern Croatian language (90-s of the XXth century)", *Slavyanovedeniye* [Slavic studies], no. 1, pp. 51–57.
- Bagdasarov, A. R. (2004), "The history of the evolvement of Croatian-Serbian linguistic relations (1940–90. XX c.)", in: Anan'yeva, N.A., Kartseva Z.I. (eds.), *Slavyanskii vestnik. Vyp. 2: K 70-letiyu V.P. Gudkova* [Slavonic Bulletin, Issue 2: On V.P. Gudkov's 70th Birthday], MAKS Press, Moscow, Russia, pp. 30–48.
- Bastich, Y. (1991), "Serbo-Croatian language: language policy in Bosnia and Herzegovina", in Solntsev, V.M. (ed.), *Funktsionirovanie yazykov v mnogonatsional'nom obshchestve* [Functioning of languages in multinational society], Institut russkogo yazyka AN SSSR, Moscow, USSR, pp. 72–88.
- Bernstein, S.B. (1961), *Ocherk sravnitel'noy grammatiki slavyanskikh yazykov* [Study on comparative grammar of Slavic languages], Izdatel'stvo AN SSSR, Moscow, USSR.
- Blanc, J.-B. (2019), "Le turc est-il une langue ou une famille de langues?", in Moret, S., de La Fortelle, A. (eds.), *Histoires des linguistiques, histoires des idees: Melanges offerts a Patrick Seriot*, OGI, Moscow, Russia, pp. 55–69.
- Bromley, Yu.V., Dostyan, I.S., Karasev, V.G. and Nikitin, S.A. (eds.) (1963), *Istoriya Yugo-slavii* [History of Yugoslavia], vol. 1, Izdatel'stvo AN SSSR, Moscow, USSR.
- Brozović, D. (1967), "Slavic standard languages and the comparative method", *Voprosy yazykovedeniya* [Issues in linguistics], no. 1, pp. 3–33.
- Brozović, D. (1992), "Serbo-Croatian as a pluricentric language", in Clyne, M.G. (ed.), *Pluricentric Languages: Differing Norms in Different Nations*, Mouton de Gruyter, Berlin; New York, Germany; US, pp. 347–380.
- Brozović, D. and Ivić, P. (1988), *Jezik, srpskohrvatski / hrvatskosrpski, hrvatski ili srpski*, Miroslav Krleža, Zagreb, Yugoslavia.
- Corbett, G. and Browne, W. (2009), "Serbo-Croat: Bosnian, Croatian, Montenegrin, Serbian", in B. Comrie (ed.), *The World's Major Languages*, Routledge, London; New-York, UK; US, pp. 330–346.
- Daniël, M.A. (2019), "Sociolinguistics", in Kibrik, A.E. et al., Fedorova, O.V., Tatevosov, S.G. (eds.), *Vvedeniye v nauku o yazyke* [Introduction to language sciences], Buki Vedi, Moscow, Russia, pp. 358–373.
- Dizdar, M. (1969), "O starim bosanskim tekstovima", in M. Dizdar. *Stari bosanski tekstovi*, Svjetlost, Sarajevo, Yugoslavia, pp. 11–36.
- Duličenko, A.D. (2004), *Slavyanskiye literaturnyye mikroyazyki. Obratzysy tekstv* [Slavic literary microlanguages. Sample texts], vol. 2, Izdatel'stvo Tartuskogo universiteta, Tartu, Estonia.
- Duličenko, A.D. (2005), "Minor Slavic literary languages (micro-languages)", in Moldovan, A.M., Skorvid, S.S., Kibrik, A.A. et al. (eds.), *Yazyki mira: Slavyanskije yazyki* [Languages of the world: Slavic Languages], Academia, Moscow, Russia, pp. 595–615.
- Friedman, V. (1999), *Linguistic Emblems and Emblematic Languages: On Language as Flag in the Balkans*, Ohio State University, Columbus, Ohio, US.
- Greenberg, R.D. (2004), *Language and Identity in the Balkans*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Gudkov, V.P. (1965), "On the differences between the two variants of the Serbo-Croatian standard Language", *Sovetskoe slavyanovedenie* [Soviet Slavic studies], no. 3, pp. 52–59.

- Gudkov, V.P. (1969), *Serbohorvatskii yazyk. Grammaticheskii ocherk, literaturnye teksty s kommentariyami i slovarom* [Serbo-Croatian. A grammatical sketch. Literary texts with commentaries and dictionary], Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Moscow, USSR.
- Gudkov, V. P. (2001), "On the status, structure and name of the literary language of Bosnian Muslims", in *Issledovaniya slavyanskikh yazykov v rusle traditsiy sravnitel'no-istoricheskogo i sopostavitel'nogo yazykoznaniya. Informatsionnye materialy i tezisy dokladov mezhdunarodnoy konferentsii (Moskva 30–31 oktyabrya 2001)* [Studies in Slavic languages in line with traditions of comparative and typological linguistics. Informational materials and abstracts of the International Conference (October 30–31 2001, Moscow)], Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Moscow, Russia, pp. 24–25.
- Haugen, E. (2012), "Language, Dialect, Nation", in N.B. Vakhtin (ed.), *Sotsiolingvistiika i sotsiologiya yazyka. Hrestomatiya* [Sociolinguistics and sociology of language. Anthology], Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge [European University in St. Petersburg Press], Saint Petersburg, Russia, pp. 97–113.
- Hodžić, J. (2020), "Sociolingvistički uvidi u rasprave o bosanskom jeziku na *Mostarskom savjetovanju o književnom jeziku* (1973) i *Sarajevskom savjetovanju* (2019)", *Jezikoslovni zapiski*, vol. 26, no. 1, pp. 129–142.
- Ivich, P. (2017), *Serbskii narod i ego yazyk* [Serbian people and their language], Indrik, Moscow, Russia.
- Ivić, P. (1984), "L'évolution de la langue littéraire sur le territoire linguistique serbo-croate", *Revue des études slaves*, vol. 56, no. 3, pp. 313–344.
- Ivić, P. (1985), *Dijalektologija srpskohrvatskog jezika. Uvod u štokavsko narečje. II izdanje* [Dialectology of the Serbo-Croatian language. Introduction to the Štokavian dialect group. Second edition], Matica Srpska Press, Novi Sad, Yugoslavia.
- Ivić, P. (1998), *Pregled istorije srpskog jezika* [Review of the history of the Serbo-Croatian language], Zoran Stojanović's Publishing House, Sremski Karlovci; Novi Sad, Serbia.
- Jahić, Dž. (1987), "Uloga 'bosanskog jezika' u procesima srpskohrvatske standartizacije", *Pregled*, no. 2, pp. 245–255.
- Jahić, Dž. (1999), *Bošnjački narod i njegov jezik*, Dom štampe, Sarajevo, Bosnia and Herzegovina.
- Jahić, Dž., Halilović, S. and Palić, I. (2000), *Gramatika bosanskoga jezika*, Dom štampe, Zenica, Bosnia and Herzegovina.
- Janković, S. (1982), "Distinktivni pokazatelji standardnojezičke varijantnosti", *Naše teme*, no. 5, pp. 841–851.
- Kibrik, A.E. (2019), "Language", in A.E. Kibrik et al., O.V. Fedorova, S.G. Tatevosov (eds.), *Vvedenie v nauku o yazyke* [Introduction to language sciences], Buki Vedi, Moscow, Russia, pp. 15–23.
- Kretschmer, A.G. and Neweklowsky, G. (2005), "Serbocroatian (Serbian, Croatian and Bosnian)", in A.M. Moldovan, S.S. Skorvid, A.A. Kibrik et al. (ed.), *Yazyki mira: Slavyanskiye yazyki* [Languages of the world: Slavic Languages], Academia, Moscow, pp. 139–198.
- Kretschmer A.G. and Neweklowsky G. (2017), "Serbocroatian (Serbian, Croatian, Bosnian and Montenegrin)", in A.M. Moldovan, S.S. Skorvid, A.A. Kibrik et al. (ed.), *Yazyki mira: Slavyanskije yazyki* [Languages of the world: Slavic Languages], Nestor-Istoriya, Saint Petersburg, Russia, pp. 151–212.

- Lehfeldt W. (2014), "Herausbildung der Standardsprache bei Serben und Kroaten", in K. Gutschmidt, S. Kempgen, T. Berger, P. Kosta (ed.), *The Slavic Languages. An International Handbook of their Structure, their History and their Investigation*. Vol. 2. De Gruyter Mouton, Berlin; München; Boston, Germany; US, pp. 1446–1469.
- Lončarić M. (1996), *Kajkavsko narječje*, Školska knjiga, Zagreb, Croatia.
- Meillet A. (1951), *Obshcheslavjanskii yazyk* [Common Slavic language], Izdatel'stvo inostrannoi literatury, Moscow, USSR.
- Neweklowsky, G. (1998), "The linguistic situation in Serbia and Montenegro", *Zeitschrift für Balkanologie*, vol. 34, no. 1, pp. 48–55.
- Neweklowsky, G. (2001), "Linguistic Situation on the Territory of the Former Serbo-Croatian Language", *Slavyanovedenie* [Slavic studies], no. 1, pp. 39–50.
- Neweklowsky, G. (2002), "The Linguistic Situation in the Area of Distribution of South Slavic Languages", *Voprosy yazykoznaniya* [Issues in linguistics], no. 2, pp. 128–134.
- Nikčević, V. and Šćepanović, M. (1998), *Da li postoji crnogorski jezik? Radio-Most*. 05.04.1998, available at: www.montenet.org./language/karabeg.html (Accessed 8 September 2020).
- Okuka, M. (2008), *Srpski dijalekti*, SKD Prosvjeta, Zagreb, Croatia.
- Rizvić, M. (1996), *Bosna i Bošnjaci. Jezik i pismo*, Preporod, Sarajevo, Bosnia and Herzegovina.
- Sidorov, V.N. (1952), "Introduction", in A. Vaillant, *Rukovodstvo po staroslavjanskomu yazyku* [Handbook of Old Church Slavonic], Izdatel'stvo inostrannoi literatury, pp. 3–12.
- Simić, R. (1996), "The goals and significance of the reforms of literary language among the Serbs in the early 19th century", *Naučni sastanak lingvista u Vukove dane*. 25.02.1995, *Beograd; Novi Sad, Serbia*, pp. 131–132.
- Suprun, A.E. and Moldovan, A.M. (2005), "Church Slavonic and Old Church Slavonic", in A.M. Moldovan, S.S. Skorvid, A.A. Kibrik et al. (ed.), *Yazyki mira: Slavyanskije yazyki* [Languages of the world: Slavic Languages], Academia, Moscow, pp. 29–69.
- Thomas, P.-L. (1994), "Serbo-Croate, Serbe, Croate., Bosniaque, Monténégrin: une, deux., trois, quatre langues?", *Revue des études slaves*, vol. 66, no. 1, pp. 237–259.
- Thomas, P.-L. (1998), "Fonction communicative et fonction symbolique de la langue sur l'exemple du serbo-croate: bosniaque, croate, serbe", *Revue des études slaves*, Vol. 70, no 1, pp. 27–37.
- Tolstoy, N. (1988), *Istoriya i struktura slavyanskih literaturnyh yazykov* [History and Structure of Literary Slavic Languages], Nauka, Moscow, USSR.
- Tolstoy, N.I. (1998), "Slavia Orthodoxa i Slavia Latina – obshcheye i razlichnoye v literaturno-yazykovoy situatsii (opyt predvaritel'noy otsenki)" [Slavia Orthodoxa and Slavia Latina, common and diverse features of the situation in literary languages (sketch of a preliminary assessment)], in N.I. Tolstoy, *Izbrannye Trudy. Tom II: Slavyanskaya literaturno-yazykovaya situatsiya* [Selected writings. Volume II: Situation in Slavic literary languages], Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, Russia, pp. 22–29.
- Toshovich, B. (1991), "Comparative sociolinguistic paradigm of the Soviet-Yougoslave linguistic situation", in V.M. Solntsev (ed.), *Funktsionirovanie yazykov v mnogonatsional'nom obshchestve* [Functioning of languages in multinational society], Institut russkogo yazyka AN SSSR, Moscow, USSR, pp. 102–130.
- Valev, L.B., Slavin, G. and Udal'tsov, I.I. (eds.) (1963), *Istoriya Yugoslavii. Tom II* [History of Yugoslavia. Vol. II], Izdatel'stvo AN SSSR, Moscow, USSR.

- Yahich, Dž.A. (1991), "On some language trends in Yugoslavia", in V.M. Solntsev (ed.), *Funktsionirovanie yazykov v mnogonatsional'nom obshchestve* [Functioning of languages in multinational society], Institut russkogo yazyka AN SSSR, Moscow, USSR, pp. 402–417.
- Yankovich, S. (1991), "Variational stratification of the Serbo-Croatian Standard Language and the Bosnian-Herzegovian language type", in V.M. Solntsev (ed.), *Funktsionirovanie yazykov v mnogonatsional'nom obshchestve* [Functioning of languages in multinational society], Institut russkogo yazyka AN SSSR, Moscow, USSR, pp. 21–49.
- Zaključci (1970), *Zaključci Sarajevskog simpozijuma o jezičkoj toleranciji*, Sarajevo, Yugoslavia.

Информация об авторе

Мария А. Егорова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; Институт языкознания РАН, Москва, Россия; 125009, Москва, Большой Кисловский пер. 1, стр. 1; drajenka@gmail.com

Information about the author

Maria A. Egorova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; Russian Academy of Sciences Institute of Linguistics, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 1, Bolshoi Kislovskii Lane, Moscow, Russia, 125009; drajenka@gmail.com